

Проницательный, ювелирными касаниями исполненный анализ того, что происходит в голове и в душе у влюбленного человека.

The Times

«Одна история» — более глубокое и эффективное исследование темы, уже затронутой Барнсом в «Предчувствии конца» (романе, за который он наконец получил Букеровскую премию)...

The Observer

Своего рода завершение условной трилогии, начатой Барнсом в книге воспоминаний «Нечего бояться» и продолженной романом «Предчувствие конца»: размышление о времени и о природе памяти, взгляд уже зрелого человека на юношескую любовь, определившую всю его жизнь...

The Guardian

Заявленная в названии «одна история» — это, разумеется, история любви. К добру или к худу, говорит Барнс, но у каждого из нас есть своя история любви, сделавшая нас теми, кто мы есть.

The Herald

Мы прекрасно понимаем, что никакой «единственной истории» в современном мире быть не может: есть только разные версии, разные перспективы, разные интерпретации, разные голоса. И перспектива тут действительно смещается, но не от персонажа к персонажу, а в зависимости от того, насколько рассказчик способен удерживать себя в центре своего рассказа: в первой части повествование ведется от первого лица, во второй части — во втором лице и в третьей — в третьем.

New Statesman

Вопросы соотношения слов и реальности, разрыв между ощущением и описанием — вот философская проблематика, интересующая Барнса-романиста. В этом смысле он близок к Айрис Мердок, с которой его роднит безупречно английское чувство абсурдного.

Times Literary Supplement

Тонкий юмор, отменная наблюдательность, энергичный слог — вот чем Барнс давно пленил нас и продолжает пленять.

The Independent

В своем поколении писателей Барнс безусловно самый изящный стилист и самый непредсказуемый мастер всех мыслимых литературных форм.

The Scotsman

Джулиан Барнс — хамелеон британской литературы. Как только вы пытаетесь дать ему определение, он снова меняет цвет.

The New York Times

Как антрепренер, который всякий раз начинает дело с нуля, Джулиан никогда не использует снова тот же узнаваемый голос... Опять и опять он изобретает велосипед.

Джей Макинерни

Лишь Барнс умеет с таким поразительным спокойствием, не теряя головы, живописать хаос и уязвимость человеческой жизни.

The Times

По смелости и энергии Барнс не имеет себе равных среди современных британских прозаиков.

New Republic

Современная изящная британская словесность последних лет двадцати — это, конечно, во многом именно Джулиан Барнс.

Российская газета

Тонкая настройка — ключевое свойство прозы букеровского лауреата Джулиана Барнса. Барнс рассказывает о едва уловимом — в интонациях, связях, ощущениях. Он фиксирует свойства «грамматики жизни», как выразился один из его героев, на диво немногословно... В итоге и самые обыденные человеческие связи оборачиваются в его прозе симфонией.

Майя Кучерская
(*Psychologies*)

До начала работы я никогда не выстраиваю группу персонажей, с которыми потом неизвестно что делать. Я представляю себе некую ситуацию, невероятную дилемму, нравственный или эмоциональный тупик и только после этого задаюсь вопросами: с кем такое могло произойти, где и когда. В некотором смысле нынешнее произведение выросло из романа «Предчувствие конца», в центре которого находятся отношения — о них нам ничего не рассказывают — между юношей и немолодой женщиной. С помощью интуиции мы по крохам собираем разбросанные тут и там скудные доказательства. Здесь же, напротив, нам рассказывают все; впрочем, эта пара не имеет ничего общего с той, предыдущей.

Первой любви свойствен дополнительный моральный абсолютизм — ее попросту не с чем сравнивать. Ты еще ничего не знаешь, но вместе с тем у тебя появляется ощущение, что ты знаешь все: эти чувства могут обернуться бедствием. Вспомним Тургенева, одного из величайших прозаиков, писавших о любви. Повесть «Первая любовь» основана на его собственном юно-

шеском опыте. Тринадцатилетним подростком он безумно увлекся девушкой лет двадцати, но сделал убийственное открытие: она — возлюбленная его отца. Пол, герой нынешнего романа, говорит, что первая любовь накладывает отпечаток на всю дальнейшую жизнь: либо как пример, либо как контрпример. Впоследствии Тургенев влюблялся еще не раз, но в итоге остановился на взаимоприемлемом *ménage à trois* с выдающейся певицей Полиной Виардо и ее супругом. Трудно не связать это «безопасное» решение с теми ожогами, которые оставила у него в душе первая любовь.

Джулиан Барнс

Посвящается Гермионе

Новелла: небольшая повесть, обычно о любви.

Сэмюэл Джонсон.

Словарь английского языка (1755)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Что бы вы предпочли: любить без меры и без меры страдать или же любить умеренно и страдать умеренно? Это, на мой взгляд, кардинальный вопрос.

Быть может, кто-то возразит — и будет прав, — что вопрос так не ставится. Выбора-то не существует. Будь у нас выбор, можно было бы поразмыслить. Но выбора нет, а значит, нет и предмета для размышлений. Разве мы способны регулировать меру любви? Если да, то любовь тут ни при чем. Как именно это называется — не знаю, но точно не любовь.

У большинства из нас есть наготове только одна история. Не поймите превратно — я вовсе не утверждаю, будто в жизни каждого случается лишь одно событие. Событий происходит бесчисленное множество, о них можно сложить сколько угодно историй. Но существенна одна-

единственная; в конечном счете только ее и стоит рассказывать. Здесь рассказана моя история.

Но тут возникает первая загвоздка. Если история — одна-единственная, значит человек не раз ее пересказывал, хотя бы самому себе, как происходит и здесь. Тогда вопрос: приближают эти пересказы истинную картину событий или отдаляют? С уверенностью сказать не могу. Есть такой способ это проверить: посмотреть, становится с годами рассказчик в своем изложении достойнее или ничтожнее. Нарастание ничтожности указывает, вероятно, на более высокую степень правдивости. Вместе с тем ретроспективный взгляд таит в себе опасность антигерои-ки: самокритика может оказаться специфической формой самовосхваления. Так что мне надо проявить осмотрительность. Что ж, с годами я научился быть осмотрительным. Сейчас я столь же осмотрителен, сколь прежде был безогляден. Или безрассуден? Бывает у одного слова два антонима?

Время, место, социальная среда? Не знаю, насколько они важны в рассказах о любви. Возможно, в старинных книгах, в классической литературе, где ведутся битвы между любовью и долгом, любовью и верой, любовью и отечеством. Эта история — другого рода. Но если уж вы так

Одна история

настаиваете... Время: более полувека назад. Место: южнее Лондона, милях в пятнадцати. Социальная среда: как раньше говорилось, «маклерский пояс», правда биржевых маклеров я там в глаза не видел. Особняки — либо фахверковые, либо облицованные камнем. Живые изгороди из вечнозеленых кустарников, лавра и бука. Еще не знающие желтой разметки и парковочных «карманов» шоссе с придорожными канавами. В ту пору на пути в Лондон можно было припарковаться почти в любом месте. Наша пригородная зона носила уютное прозвание «Деревня» и когда-то давно, по всей видимости, таковой и считалась. Затем там построили железнодорожный вокзал, откуда мужчины в костюмах отправлялись на работу в Лондон с понедельника по пятницу, а некоторые еще и на дополнительные полдня по субботам. Появились остановка междугородного автобуса, пешеходный переход, отмеченный оранжевыми сигнальными маячками, почтовое отделение, церковь, освященная беззатей в честь святого Михаила, паб, универмаг, аптека, парикмахерская, а также бензоколонка и при ней небольшой автосервис. По утрам гудели в рожок развозчики молока: покупатели могли выбирать между фирмами «Экспресс» и «Юнайтед дэйриз»; по вечерам и в выходные дни (кроме субботы) стрекотали бензиновые газонокосилки.

На деревенском лугу шумно и неумело играли в крикет; имелось поле для гольфа, действовал теннисный клуб. Садоводов радовала супес-

чаная почва — лондонская глина до этих мест не дотягивалась. Недавно в Деревне открылась кулинария, чей европейский ассортимент — копченые сыры и похожие на связки ослиных пенисов шишковатые купаты — некоторые сочли диверсией. При этом молодые хозяйки стали готовить более изобретательно, и мужья в большинстве своем только радовались. Из двух доступных телеканалов большей популярностью пользовался Би-би-си, нежели Ай-ти-ви; спиртное обычно пили только после рабочей недели. В аптеке предлагались хоть пластыри от бородавок, хоть сухой шампунь в пузатых флакончиках, но только не противозачаточные средства; в универмаге лежала снотворная «Эдвертайзер энд газетт», но никакой порнографии, даже мягкой, не было и в помине. За товарами интимного назначения приходилось ездить в Лондон. Живя в Деревне, я в основном спокойно относился к этим ограничениям.

Ну ладно, повыступал в качестве риелтора, и хватит (в десяти милях располагалось настоящее агентство по недвижимости). И еще: не спрашивайте меня о погоде. Ну, не могу я упомянуть погодные условия, сопутствовавшие моей жизни. Я только усвоил, что жаркое солнце активно побуждает к сексу, что первый снег вызывает восторг, а холод и сырость провоцируют те ранние симптомы, которые в конечном счете приводят к двухполюсному протезированию тазо-

Одна история

бедренного сустава. Но ни одно важное событие моей жизни не имело своим фоном, а тем более причиной какие-либо погодные условия. Так что, если позволите, метеорология будет исключена из моего рассказа. Впрочем, если я упомяну, что играл в теннис на травяном корте, никто не помешает вам заключить, что в тот момент не было ни дождя, ни снега.

Теннисный клуб: кто бы мог подумать, что начнется все именно там? В юности я считал это место пригородным филиалом молодежного крыла партии консерваторов. У меня была ракетка, я немного играл, но точно так же мог выполнить пару полезных оверов в крикете и постоять на воротах в футболе — надежно и подчас с долей риска. Не обладая особыми талантами, в спорте я был азартен.

По окончании первого курса я приехал на три месяца домой, где откровенно и бессовестно скучал. Нынешняя молодежь даже не представляет, насколько затруднены были тогда всякие контакты. Почти все мои друзья разлетелись на каникулы кто куда, а телефонные звонки — ввиду негласного, но отчетливого родительского неодобрения — сводились к минимуму. Письмо, ответное письмо. Тягомотное, одинокое занятие.

Моя мать — видимо, в надежде, что я встречу какую-нибудь милую блондиночку Кристину или бойкую Вирджинию с черными локонами (и то и другое вполне отвечало устойчивой, хотя

и неявной консервативной традиции) — предложила мне записаться в теннисный клуб. И даже выразила готовность оплатить мое членство. Я про себя посмеялся над подоплекой материнского предложения: в мои планы совершенно не входило обосноваться в предместье с клубной женой-теннисисткой, произвести на свет средне-статистические два целых и четыре десятых ребенка, а когда придет срок — проследить, чтобы каждый из детей нашел себе пару в теннисном клубе, — и так далее, словно в гулкой анфиладе зеркальных комнат, ведущих к бесконечному листопадно-вечнозеленому будущему. На мамينو предложение я согласился, но воспринял его в сугубо сатирическом ключе.

Записался; получил приглашение «войти в игру». Целью такого приглашения была безмолвная, по-английски тактичная проверка не столько спортивного мастерства, сколько общего уровня и светских манер. Если ничего отрицательного за тобой не замечали, в тебе автоматически признавались положительные качества; вот так это работало. Мамиными заботами моя теннисная форма приобрела безупречную белизну, а шорты украсились отчетливыми параллельными стрелками; на корте я не позволял себе бранных слов и старательно сдерживал отрывку и газы. При ударе справа активно работал кистью; в целом выглядел самоучкой-оптимистом, то есть играл так, как от меня ожидали, избегая

Одна история

своих любимых подрезок и не целясь сопернику в корпус. Поддача, выход к сетке, удар с лета, еще один удар с лета, укороченный, свеча, готовность оценить противоборствующую сторону («Супер!») и проявить заботу о партнере («Я!»). Выиграв мяч, я не заносился; победе радовался сдержанно; скорбно качал головой, когда проигрывал сет. Притворство давалось мне легко, так что круглогодичные Хьюго и Каролины охотно взяли меня под крыло как летнего игрока.

Хьюго наперебой повторяли, что я повысил средний ай-кью теннисного клуба и вместе с тем понизил средний возраст; один упорно говорил мне «Эрудит» и «Герр Профессор», тонко намекая на то, что я окончил первый курс Сассекского университета. Каролины обращались со мной вполне приветливо, хотя и с настороженностью; им было виднее, как держаться в присутствии Хьюго. Это племя выхолащивало мой природный азарт. Я старался как можно техничнее выполнять каждый удар, но не рвался к победе, а временами даже играл в поддавки. При мало-заметном ауте показывал сопернику два больших пальца и выкрикивал «Супер!». Аналогичным образом подачу, где-то на дюйм выходящую за линии, я встречал медленным кивком и переходом на другую половину площадки в ожидании следующей подачи. «Славный малый», — сказал как-то про меня один Хьюго другому, а я услышал. Если мне случалось проиграть, то во время финального рукопожатия соперник непременно слышал от меня похвалу в адрес той

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	11
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	133
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	241